

А. М. Хазанов

О СВЯЗИ ЛИНЕЙНОСТИ И ЛОКАЛЬНОСТИ С ОБРАЗОМ ЖИЗНИ

Моя предыдущая статья на эту тему¹ в основном была посвящена конкретной модели первичной материнско-родовой организации, которую предложил Ю. И. Семенов, т. е. материнскому роду с дуально-групповым, дислокальным и дисэкономичным браком². Эта модель по целому ряду причин казалась мне неубедительной.

В частности, для того чтобы подобный род вообще мог функционировать, необходим оседлый образ жизни, из наличия которого в верхнем палеолите и исходил Ю. И. Семенов. Между тем до возникновения производящего хозяйства длительная оседлость была скорее исключением, чем общим правилом.

Опровержению моего мнения Ю. И. Семенов посвятил специальную статью³. Со своей стороны, не желая затягивать дальше и без того уже весьма затянувшуюся дискуссию, ограничусь лишь несколькими краткими замечаниями по существу, объясняющими, почему я по-прежнему не могу принять доводов Ю. И. Семенова.

1. Ю. И. Семенов полагает, что термины «оседлость» и «бродяжничество» слишком широкие и неконкретные. Совершенно с ним в этом согласен. Но раньше он пользовался именно ими («Сов. этнография», 1970, № 5, стр. 62; «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 109). Если теперь Ю. И. Семенов предпочитает писать о «переменно-оседлом», «сезонно-оседлом», «оседло-бродячем» и т. д. образах жизни («Сов. этнография», 1973, № 4, стр. 57), то я усматриваю в этом положительное влияние дискуссии.

Однако в результате остался обойденным очень важный вопрос. Раньше Ю. И. Семенов полагал, что конкретные формы, которые принимало развитие реконструируемого им первичного материнского рода после появления минимального избыточного продукта и возникновения индивидуального брака, «во многом зависят от того, сохранился ли у данной этнической группы оседлый образ жизни, характерный для начала позднего палеолита, или же он сменился бродячим» («Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 109). Теперь он должен показать, существует ли взаимосвязь (и какая именно) между линейностью, с одной стороны, и «вековой оседлостью», «годовой оседлостью», «переменной оседлостью», «сезонной оседлостью», «передвижным бродяжничеством», «подвижным бродяжничеством» — с другой. В своем ответе на мою статью он этого не сделал.

2. По мнению Ю. И. Семенова, «в начальную эпоху позднего палеолита, несомненно, существовали прочные постоянные жилища, нередко

¹ См. А. М. Хазанов, Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода, «Сов. этнография», 1973, № 1.

² Ю. И. Семенов, Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа), «Сов. этнография», 1970, № 5; его же, Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной»), «Сов. этнография», 1971, № 6.

³ Ю. И. Семенов, О материнском роде и оседлости в позднем палеолите, «Сов. этнография», 1973, № 4.

образовывавшие целые поселки, в которых люди жили годами. В более позднее время (мадленская эпоха) наряду с человеческими коллективами, продолжавшими жить оседло, появляются группы, ведущие бродячий образ жизни. Мезолит в целом, как известно, характеризуется господством бродячего образа жизни, что не исключает полностью возможности существования отдельных оседлых групп» («Сов. этнография», 1970, № 5, стр. 62). В другой своей статье Ю. И. Семенов также писал про «оседлый образ жизни, характерный для начала позднего палеолита» («Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 109).

Возражая Ю. И. Семенову, я стремился показать, что на самом деле картина была значительно более пестрой, что известны и другие варианты развития, такие, когда оседлость характерна именно для мезолита в противоположность верхнему палеолиту или же когда и в верхнем палеолите, и в мезолите тип подвижного охотничье-собирающего хозяйства продолжал сохраняться без существенных изменений. Для этого я привел некоторые археологические материалы («Сов. этнография», 1973, № 1, стр. 114—118). Ю. И. Семенов считает, что в них не содержится достаточного количества данных для подобного заключения. Поскольку ссылки на соответствующую литературу имеются в подстрочных примечаниях к моей статье, любой желающий может сам проверить, кто из нас прав.

Однако и в этом вопросе позиция Ю. И. Семенова, кажется, не осталась неизменной. Раньше он полагал, что люди в начале верхнего палеолита жили «оседло» (практически же не только в начале, потому что мадлен, когда, по Ю. И. Семенову, впервые появляются группы, ведущие бродячий образ жизни,— это самый конец верхнего палеолита⁴). Теперь он уточняет, что «вопрос о том, была ли оседлость в верхнем палеолите всеобщим явлением или же наряду с оседлыми группами существовали и бродячие, не имеет принципиального значения» («Сов. этнография», 1973, № 4, стр. 55—56). Или: «вряд ли могут быть сомнения, что в верхнем палеолите наряду с оседлыми существовали человеческие группы, которые вели бродячий образ жизни» («Сов. этнография»; 1973, № 4, стр. 64). Для меня сомнений, действительно, нет. Рад, что для Ю. И. Семенова теперь тоже.

3. Итак, в признании факта сосуществования в верхнем палеолите «оседлого» и «бродячего» образов жизни у нас с Ю. И. Семеновым разногласий уже нет. Мы расходимся теперь лишь в деталях, в оценке того, насколько широко был распространен «подвижный образ жизни». Тем более уместными представляются два вопроса, которые я задал Ю. И. Семенову в своей предыдущей статье. К тому же оба они непосредственно связаны с Австралией, занимающей столь видное место в его построениях.

Первый вопрос — как отразилось (и отразилось ли вообще) на гипотетической первоначальной материнско-родовой организации с дуально-групповым дислокальным и дисэкономичным браком переселение в Австралию из Юго-Восточной Азии и последующее расселение по континенту? Ю. И. Семенов обошел его молчанием.

Второй вопрос — как конкретно функционировал первоначальный материнский род с дуально-групповым, дислокальным и дисэкономичным браком, предлагаемый Ю. И. Семеновым, точнее, как подвижность могла сочетаться с дислокальным браком?

Ю. И. Семенов полагает, что на него отвечают материалы этнографии и фольклористики. Под материалами этнографии он подразумевает обычаи типа *улатиле* и *катайауси* меланезийцев Тробрианских островов, *куонанде* и *аваиро* папуасов гор Новой Гвинеи.

⁴ А. Л. Монгайт, Археология Западной Европы, М., 1973, стр. 140.

На слишком вольное обращение Ю. И. Семенова с так называемыми пережитками уже указывали некоторые исследователи⁵. Прежде чем ссылаться на обычаи типа *улатиле* надо доказать, что они восходят к началу верхнего палеолита, а не к гораздо более позднему времени, что их можно объяснить, только признав наличие в далеком прошлом дислокального группового брака, а не каким-либо иным образом. Методом пережитков нельзя пользоваться так, будто после Э. Тейлора не было Б. Малиновского, т. е. пользоваться, конечно, можно, но насколько это будет убедительно?

Однако дело не только в этом. И у меня, и у Ю. И. Семенова в данном конкретном случае речь идет об аборигенах Австралии. При этом Ю. И. Семенов признает справедливость моего предположения, что в Австралии в верхнем палеолите сколько-нибудь длительная оседлость отсутствовала («Сов. этнография», 1973, № 4, стр. 61—62). Между тем примеры, на которые он ссылается, относятся не к подвижным охотникам и собирателям, а к оседлым земледельцам.

Единственное исключение — обычай *дзамалаг* у австралийцев Арnhemленда. Но я уже отмечал — и Ю. И. Семенов в данном случае, по-видимому, согласен, — что именно австралийцы Арnhemленда к тому времени, когда у них был зафиксирован этот обычай, вели сложившийся сравнительно поздно полуседлый образ жизни рыболовов и собирателей моллюсков.

Но главное — сам обычай *дзамалаг*. Р. Берндт, тот самый автор, на которого ссылается Ю. И. Семенов, описывает его как церемониальный обмен между группами, принадлежащими к различным племенам. Обмен сопровождался пением, танцами, весельем с эротическим оттенком, даже половыми сношениями. По мнению Р. Берндта, «церемония не только служила целям обмена желаемыми предметами (commodities), но и была эмоциональным клапаном, и давала средства для консолидации дружественных отношений между членами различных племен». Тот же автор подчеркивает, что «хотя в недавнее время эротический аспект *дзамалага* усилился (разрядка моя. — А. Х.), обмен благами все еще имеет существенное значение»⁶. И этот обычай Ю. И. Семенов приводит в качестве объяснения, как совместить дислокальный брак с подвижным образом жизни!

Остается еще фольклор: легенды об амазонках и мифы аранда (арунта).

Если строго следовать логике рассуждений Ю. И. Семенова, привлечение их неправомерно. Ведь в легендах и мифах речь идет не о дислокальном браке, а об эпизодических встречах самостоятельных мужских и женских групп. А по Ю. И. Семенову, первоначальный материнский род по крайней мере не был однополым, а состоял лишь из несколько обособленных групп: мужчин и женщин с детьми.

Но опять же дело даже не в этом, а в принципиальной правомерности прямолинейного использования данных фольклора. Несостоятельность антропологической школы в фольклористике (Лэнг, Мак-Кэллок, Харрис и др.), представители которой считали, что некогда существовавшие обычаи и воззрения находят свое непосредственное отражение в легендах, мифах и сказках, была продемонстрирована уже в начале нашего века. Походя ее не возродить. Впрочем, думаю, что и более серьезные попытки в этом направлении обречены на провал⁷.

⁵ В. Р. Кабо, Проблема пережитков в этнографии, «Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР», вып. 1 (2), Л., 1965, стр. 51—61; А. М. Решетов, Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 241—242.

⁶ R. M. Berndt, Ceremonial exchange in Western Arnhem Land, «Southwestern Journal of Anthropology», 1951, vol. 7, No. 2, p. 162.

⁷ Критику антропологической школы в фольклористике см. Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958.

4. М. А. Членов и М. В. Крюков⁸ показали, что остальные аспекты предложенной Ю. И. Семеновым модели также весьма уязвимы для критики. Поэтому его гипотеза, на мой взгляд, остается недоказанной.

ON THE RELATION OF LINEALITY AND MARRIAGE LOCALITY TO THE WAY OF LIFE

The author notes, in reply to the article by Yu. I. Semionov (*Sovetskaya Etnografia*, 1973, № 4), that the latter has considerably revised his views: thus he now recognizes the existence in the Upper Palaeolithic not only of a «sedentary» but also of a «wandering» way of life. However, in the present author's opinion, a mobile way of life is not easily compatible with the matrilineal clan, with the dual-group, dislocal and diseconomic marriage which Yu. I. Semionov attempts to reconstruct as the primary and universal one. The article demonstrates the improper use made by Yu. I. Semionov of ethnographic and folkloristic data in arguing his hypothesis. The author draws his opponent's attention to the circumstance that the method of survivals cannot be employed in such a way, as though there had been no Malinowski after Taylor, and that the unsoundness of the anthropological school in folklore study had already been demonstrated early in the present century.

⁸ М. В. Крюков, Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контроверзы»? «Сов. этнография», 1974, № 3.

Примечание редакции. Ответ Ю. И. Семенова на статьи М. В. Крюкова, М. А. Членова и А. М. Хазанова и заключение редколлегии будут опубликованы в следующем номере журнала.